

АННА СКОТНИЦКА

Ягеллонский университет

 ORCID 0000-0001-9938-9092

ОБРАЗ КОЛЛЕКЦИОНЕРА В ПРОЗЕ МИХАИЛА ШИШКИНА

Приступая к анализу образа коллекционера в прозе Михаила Шишкина, прежде всего необходимо назвать общие черты его романов, а также представить общее видение прозы писателя.

Во-первых, бросается в глаза архетипичность человека: это просто женщина, мужчина, ребенок. Следовательно, можно предположить, что писателя интересуют общие принципы человеческого существования, которые выражает формула «дыхания жизни»:

Я героев не «конструирую». И сюжет я не придумываю. Сюжет во всех моих книгах один — проживание жизни. И мне не очень на самом деле важно, как герои выглядят. Мне важно их живое дыхание. Внешность, в конце концов, это то, что нас разделяет. А внутри мы такие же, единые, — нас объединяет и обмен вещью, и чувства¹.

Во-вторых, стоит отметить повторяемость некоторых занимающих писателя тем, а также самое существенное в этой повторяемости — связь с трагическим восприятием действительности². Об интересе к трагическому аспекту человеческого существова-

¹ М. Шишкин о своем новом романе «Письмовник»: интервью Михаила Шишкина Льву Данилкину, «Афиша Daily», 16.08.2010, https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/ (12.02.2018).

² На эту тему пишет Ю. Брюханова, *Михаил Шишкин: избытие трагизма бытия в художественном слове // Знаковые имена современной русской прозы: Михаил Шишкин*, ред. А. Skotnicka, J. Świeży, Scriptum, Kraków 2017, с. 49–63.

ния свидетельствует следующее высказывание Михаила Шишкина:

У времени есть одна особенность: оно рано или поздно рвется. «Распалась связь времен» — хоть раз в жизни это испытывает каждый, а не только датский принц. Мир разваливается. Видимое становится невидимым и наоборот. Вроде бы надежное превращается в труху. В этом рассыпавшемся времени человек и становится человеком³.

В большинстве произведений Шишкина действительно рассказывается или хотя бы упоминается о какой-нибудь катастрофе — частного (распад семьи, отношений), или общечеловеческого (война, Большой взрыв, Страшный суд) характера. Нередко герои изображаются в ситуации отчуждения (*Взятие Измаила*, *Венерин волос*), вины (*Записки Ларионова*, *Пальто с хлястиком*), одиночества (*Письмовник*). Трагический аспект человеческого существования в произведениях Шишкина можно соотнести с понятием пограничных ситуаций у немецкого философа Карла Ясперса, к которым причислялись борьба, смерть, страдание, вина⁴. Однако глобально проза Шишкина говорит не столько о распаде, утрате или бессилии, сколько о надежде, которая проявляется благодаря определенному восприятию действительности, проявляющемуся в конструкции произведений, способе повествования. Писатель утверждает, что литература, искусство должно нести утешительную функцию — эта идея была почерпнута Шишкиным из фильмов Андрея Тарковского, в частности *Рублева*⁵.

³ «Смерть, как жизнь, внесловесна»: интервью Михаила Шишкина Нине Ивановой, «Time Out», 03.10.2010, <http://www.timeout.ru/msk/feature/14237> (10.05.2019).

⁴ K. Jaspers, *Sytuacje graniczne*, пер. A. Staniewska // R. Rudziński, *Jaspers*, *Wiedza Powszechna*, Warszawa 1978, с. 188.

⁵ «А настоящий мой учитель — это кинорежиссер Андрей Тарковский, потому что именно он своими фильмами объяснил мне, в чем суть искусства. Когда-то я еще подростком посмотрел «Рублева». Фильм меня поразил. Мне два часа показывали чудовищную жестокую реальность, а вышел я из зала совершенно просветленный. Потом уже я понял, почему так происходит. Художник — это тот, кто берет реальность, страшную нашу человеческую жизнь, в которой человека унижают, в которой если есть любовь, то ее затаптывают, предают, в которой никакой справедливости нет, зато смерти много, — и вот художник должен взять на себя весь этот ужас мира, сделать с ним что-то, что и является тайной искусства, и дать мне, как зрителю или читателю, ощущение, что Бог есть, что все существует

В-третьих, известно, что шишкинская проза — своего рода палимпсест, сосуществование явного и скрытого. Мысль о литературе как о репетиции, продолжении и воскрешении традиции, произведений прошлого присуща всему творчеству Шишкина и позволяет рассматривать его прозу как собрание голосов, повторений и многоуровневых версий.

Валерий Тюпа, изучая роман *Доктор Живаго* Бориса Пастернака, обращает внимание на различие между палимпсестом и интертекстуальностью, и, в частности, подчеркивает:

«Палимпсестной» может именоваться словесная ткань, сквозь которую, как сквозь поверхностный слой, проступают система персонажей, мотивная структура или отдельные существенные мотивы, имена, некоторые иные характерные особенности другого текста (претекста). Палимпсест в таком понимании являет собой креативно-генетическую характеристику структурной целостности с диахронными вкраплениями. Данный принцип текстосложения предполагает наличие у подобной целостности не только известной прототекстовой канвы (порой многослойной), но и творческой оригинальности, «апеллесовой черты», культивируемой модернистской практикой художественного письма. Такой палимпсест представляется конструктивной противоположностью постмодернистской интертекстуальности коллажа, центона, «ризомы»⁶.

Однако, особенность прозы Михаила Шишкина заключается в том, что ей присущи также интертекстуальность, ризоматичность, коллажность и центонность. Именно эти формы можно непосредственно соотнести с явлением коллекционирования: произведения прозаика могут восприниматься одновременно как запись кризиса мира и преодоления его распада словом, в таком отношении эту прозу также можно сопоставить с понятием коллекции.

Коллекционирование как исследовательский вопрос возродилось в современной культуре и науке благодаря ряду мыслителей. Среди польских работ, несомненно, следует назвать книгу польско-французского историка и эссеиста Кшиштофа Помяна *Коллекционеры, любители и редкости. Париж, Венеция. XVI–*

не просто так, и я, получив это, уйду просветленным с чувством радости и человеческого тепла». М. Шишкин, «Написать свою Анну Каренину...»: *Интервью Марине Концевой*, <http://9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html> (17.06.2019).

⁶ В.И. Тюпа, *Поэтика палимпсеста в «Докторе Живаго»* // «Новый филологический вестник» 2013, № 2, с. 141.

XVIII века⁷. Помяна коллекционирование интересует как выражение связи между видимым и невидимым. Как известно, эти понятия особенно близки Шишкину. Для Помяна вещи — семиофоры, носители значения, которые отсылают нас к другому, невидимому миру. Эссеист размышляет о том, кем является коллекционер: безопасным сумасшедшим, занимающимся марками или бабочками, или наоборот, опасным спекулянтom, собирающим шедевры, чтобы их продать, или наследником замка с мебелью и картинами⁸.

Польская культуролог Анна Зайдлер-Янишевска обращается к немецко-еврейскому теоретику культуры и эссеисту Вальтеру Бенъямину, без имени которого не обходится сегодня ни одна рефлексия, относящаяся к коллекционированию. Именно в его книге *Берлинское детство на рубеже эпох* была сформулирована мысль о том, что «если у кого-то нет возможности или средств собирать, или он программно не хочет поддаться жажде обладания, тот строит коллекции мыслей»⁹. Похожую рефлексию Анна Зайдлер-Янишевска находит в книге Сюзен Зонтаг *Любовница вулкана*, рассказывающей о коллекционере XVIII века: «также мышление, особенно в формах, напоминающих письма или перечни: предметов, событий, переживаний можно интерпретировать как вид коллекционирования»¹⁰. Именно такая форма собирательства присуща прозе Шишкина.

Вальтер Бенъямин высказывался о коллекционировании в нескольких своих эссе: *Луи-Филипп, или интерьер (Париж, столица XIX столетия)*, *Я распаковываю свою библиотеку*, *Коллекционер (Пассажи)*, причем в последнем из названных произведений Париж XIX века **предстает перед читателем в качестве лабиринта, текста, книги**¹¹, чтение которой сродни воспоминанию.

⁷ K. Pomian, *Zbieracze i osobliwości. Paryż, Wenecja XVI–XVIII wiek*, пер. A. Pieńkos, PIW, Warszawa 1996.

⁸ Там же, с. 7.

⁹ A. Zeidler-Janiszewska, *Między zbieraniem ekonomicznym a kolekcjonowaniem* // M. Sommer, *Zbieranie*, пер. J. Merecki, Oficyna Naukowa, Warszawa 2003, с. IX. [Перевод здесь и далее мой — А.С.].

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: J. Kałużny, *W labiryncie Benjaminowskich „Pasaży”. Flâneur, kolekcjoner i gracz jako czytelnicy XIX stulecia* // *Wokół Pasaży Waltera Benjamina*, ред. P. Śniedziewski, K. Trybuś, M. Wilczyński, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2009, с. 91–92.

Образ коллекционера появляется в нескольких произведениях Михаила Шишкина, но всегда в статусе второстепенного героя. Активность коллекционирования также не является предметом изображения. В общем, эта категория относится скорее к автору и повествователю, способу рассказывать, чем к персонажу. Поэтому в настоящей статье коллекционирование рассматривается, главным образом, как отношение к миру, определенная активность, направленная на выявление в нем смысла.

Как для героя, так и для повествователя или автора в прозе Шишкина не кажется существенным предмет коллекционирования. Важнее отношение к приобретаемым вещам. Отчим из романа *Письмовник* — нумизмат. Пасынок размышляет о том, что слепой отчим, рассматривая свои сокровища, выглядит так, как будто видит и монеты, и их прошлое: тех, кто их чеканил, тех, кто на них изображен. Пасынок поражен также знаниями отчима о различных эпохах. Писатель обращает внимание читателя на то, что коллекционирование активизирует особое восприятие — воображение — и стимулирует расширение знаний. Герой романа *Взятие Измаила* занят собиранием вещей для гербария. Для других они не имеют никакой ценности, кажутся просто мусором. Но для коллекционера они представляют ценность, созданная же коллекция — свидетельство того, что избранные предметы необычны.

Что коллекционирует сам писатель? Литературовед Сергей Чередниченко утверждает, что автора волнует прежде всего задача «описать *каждую* несчастливую семью», в результате чего «проза Шишкина туго набита сюжетами измен, предательств и просто тотально несчастливой, никак не складывающейся семейной жизни [...]»¹² и является свидетельством отмирания социального института семьи¹³. Согласно Чередниченко, «вторая сквозная тема прозы Шишкина, свобода и достоинство личности»¹⁴, «травма советским прошлым»¹⁵. В зависимости от точки зрения исследователя список тем, занимающих автора, можно продолжить, но более существенным кажутся вопросы о том, как понятие коллекции определяет прозу Шишкина, как

¹² С. Чередниченко, *Коллекционер. Михаил Шишкин* // «Вопросы литературы» 2014, № 2, с. 241.

¹³ Там же, с. 244.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, с. 246.

соотносится с ней, какую роль играют отдельные элементы коллекции в системе всего произведения и в чем специфика коллекционирования писателя.

Мотив коллекционера относится, прежде всего, к фигуре писателя. Он впервые появился в автобиографической части романа *Взятие Измаила*. Герой вспоминает свои первые пробы пера и создает искусный, явно вымышленный, анекдот о том, как мальчиком он написал роман о разводящихся родителях. Мать не одобрила его и тогда он выслал произведение в редакцию газеты, получив в ответ наставление, из которого вытекает, что писатель может коллекционировать все:

На бланке «Пионерской правды» школьника благодарили за присланный рассказ — тут школьник удивился, посылал-то он ведь роман — и желали ему всего наилучшего, сожалея, что напечатать не могут. Еще «Пионерская правда» писала: «Кто-то собирает марки, кто-то фантики. А ты, дорогой Михаил, попробуй собирать совершенно особую коллекцию. Тебе для нее понадобится лишь обыкновенная ручка и тетрадка. Вот увидишь вокруг себя что-нибудь, что покажется тебе необычным, интересным или просто забавным — возьми и запиши. Может быть, это будет поразивший тебя закат, или дерево, или просто тень. Или рядом с тобой что-то произойдет, хорошее или плохое. Или ты сделаешь что-то такое, о чем задумаешься, например, обидишь кого-то рядом с собой, может быть, даже человека, которого больше всего любишь, и это станет тебя мучить. Тоже возьми и запиши. И у тебя будет каждый день пополняться удивительная уникальная коллекция: собрание ощущений, музей всего. Такая коллекция, вот увидишь, поможет тебе понять, как прекрасен мир».

Заканчивалось письмо словами: «С пионерским приветом! О. Рабинович»¹⁶.

По словам редактора, в результате накопления должен возникнуть «музей всего», собрание впечатлений, уникальная коллекция. Слово «музей» означает, что предметы собираются с определенной целью — выставить на всеобщее обозрение; соответственно, они приобретаются не только для коллекционера, но и для других. Таким образом, неслучайно мальчик отправил роман в газету, «на которую подписывали весь класс»¹⁷.

Коллекционер и его коллекция связаны тесными узами — согласно Беньямину, собиратель живет в своих предметах¹⁸, между

¹⁶ М. Шишкин, *Взятие Измаила*, Вагриус, Москва 2007, с. 440.

¹⁷ Там же, с. 438.

¹⁸ В. Беньямин, *Я распаковываю свою библиотеку. (Речь собирателя книг)*, пер. Н. Тишковой // *Человек читающий. HOMO LEGENS. Писатели XX*

ними существует сердечная связь. Сердечное отношение — суть подхода для Шишкина, о чем он нередко говорит в своих интервью: «Джойс не любит своих героев, а русские писатели любят. Русский герой — Акакий Акакиевич. Хотя любить его совершенно не за что»¹⁹. В свою очередь, момент любви и пристрастия в контексте коллекции отсылает нас к слову «любитель» (*amateur*). Кшиштоф Помян замечает, что оно использовалось для обозначения отношения коллекционера к вещам, а не к людям или к дружбе²⁰. Кроме того, любовь коллекционера курьезна, от франц. слова *curieux* (*curiosité*)²¹ — одновременно «интересный» и «дикий», которые указывают прежде всего на вещь — редкую, необыкновенную, удивительную, нечто небывалое, невиданное, неслыханное²². Помян подчеркивает, что если слово *amateur* отмечает желание, то *curieux* относится скорее всего к мотиву целого²³.

Уникальность коллекции — не в самих предметах, а в подходе к ним того, кто их отбирает. Коллекционер сохраняет и спасает вещи прошлого и настоящего ради будущего. В этом отношении интересно сопоставить реакции героя-писателя и его жены во *Взятии Измаила*. Франческа помогает мужу собирать образы, слова, каждый раз спрашивает о пригодности данного факта или фразы и неизменно получает ответ, что это такая коллекция, к которой все подходит. Для Шишкинского коллекционера-писателя все имеет ценность и стоит сохранения, так как его коллекция является микрокосмом. Кстати, сравнение двух подходов обнаруживает разницу между словом «коллекциониро-

---

века о роли книги в жизни человека и общества, сост. С.И. Бэлза, Прогресс, Москва 1983. Цитата взята с сайта: RedkayaKniga.ru: Библиотека редких и старинных книг — <http://редкайакнига.ru/biblioteki/item/foo/soo/z0000017/st032.shtml> (19.08.2016).

¹⁹ М. Шишкин, *В лодке, нацарапанной на стене* // того же, *Пальто с хлястиком. Короткая проза, эссе*, АСТ, Москва 2016, с. 190.

²⁰ К. Pomian, *Zbieracze i osobliwości...*, с. 73. Автор прослеживает также, как изменялось значение этого слова на протяжении лет.

²¹ «Происходит от лат. *curiositas* «любопытность; любопытство», далее из *curiosus* «заботливый; любопытный, любознательный», далее от *curāre* «заботиться; ухаживать; лечить». Использованы материалы Online Etymology Dictionary Дугласа Харпера». См.: *curiosity* // Викисловарь, <https://ru.wiktionary.org/wiki/curiosity> (20.04.2019).

²² Т.Ф. Ефремова, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Русский язык, Москва 2000.

²³ К. Pomian, *Zbieracze i osobliwości ...*, с. 75.

вать» и «собирать»²⁴. Несмотря на некоторую синонимичность, первое из этих слов обозначает скорее собирание предметов одного характера с учетом какой-то их ценности, второе — накопление и сам процесс сбора. Во всяком случае, существенно то, что герою нужно все, в то время как героиня этого не понимает. Для него интерес представляет сама коллекция, для нее — процесс коллекционирования.

Кшиштоф Помян отмечал, что коллекционер, «хочет знать все и узнать все», семантическое поле слова *curieux* определяет возможность замены этого слова выражением: «тот, кто желает связи с целым»²⁵. Прозу Шишкина, несомненно, пронизывает тоска по целому, так как его восприятие мира детерминировано переживанием распада. Коллекционирование — попытка воссоздать распавшийся или распадающийся мир; коллекция — уменьшенная Вселенная²⁶, неслучайно это слово нередко встречается у Шишкина и является эквивалентом утраченного целого.

Вальтер Беньямин называет коллекционирование «борьбой с рассеянием. Великий коллекционер до глубины души тронут хаотичностью, в которой пребывают вещи в мире»²⁷. Согласно Шишкину, объясняющему заглавие своей книги *Взятие Измаила*, коллекция и литература помогают преодолеть жизнь и смерть:

собираем „коллекции“ и рождением детей. Больше ее [жизнь — А.С.] ничем не возьмешь. Собираение слов в книгу, как и рождение ребенка, не спасает от трупных пятен, но приносит радость. В конце концов эта радость от слов и сына и делает жизнесмерть прекрасной²⁸.

В этом отношении любопытно то, что жена писателя, забеременев, прекратила собирать диковинки. Герой-писатель замечает: «Но ты уже не верила в нашу коллекцию, потому что знала

²⁴ T. Kruszewski, *Kolekcjonerstwo — atawistyczne zbieractwo a poczucie społecznej użyteczności. Przyczynek do psychologii posiadania*, «Toruńskie Studia Bibliologiczne» 2017, № 2, с. 73.

²⁵ K. Pomian, *Zbieracze i osobliwości ...*, с. 75, 76.

²⁶ Там же, с. 64–70.

²⁷ В. Беньямин, *Коллекционер* [из конволюта «Н», «Пассажи»], пер. С. Ромашко, colta.ru 10.09.2018. <https://www.colta.ru/articles/society/19044-valter-benyamin-kollektsioner-iz-konvolyuta-h-passazhi> (17.06.2019).

²⁸ *Тот, кто взял Измаил: интервью Михаила Шишкина Николаю Александрову*, «Итоги» 2000, № 42, <http://www.itogi.ru/archive/2000/42/115757.html>, (29.06.2019).

про себя то, что подтвердил купленный в аптеке тест. Ты носила уже в себе нашего ребенка»²⁹. Собираение коллекции оказывается делом веры, то есть возможности познать невидимое. Беременная героиня сосредоточена уже на видимом.

Разбитый мир можно свести воедино только в литературном произведении, которое как модель действительности является единым целым. Согласно польскому феноменологу Роману Ингардену, художественный мир имеет схематичный характер³⁰, отбор элементов действительности обнаруживает определенную концепцию писателя. Писатель, как и коллекционер, выступает против хаоса мира и при помощи слова преобразовывает его в космос. Бенъямин писал о коллекционере:

Коллекционер — истинный обитатель интерьера. Его дело — просветление вещей. Ему выпал сизифов труд приобретением предметов в свое владение смахнуть с них товарный характер. Однако вместо потребительской стоимости он придает им лишь любительскую стоимость. Коллекционер в своих мечтах уносится не только в удаленный мир или мир прошлого, но и в более совершенный мир, в котором люди хотя так же мало наделены тем, в чем они нуждаются, как и в мире обыденном, но вещи в нем свободны от тяжелой обязанности быть полезными³¹.

Изъятый из своего контекста предмет в коллекции утрачивает прежние функции и приобретает другой смысл. Он, по выражению Бенъямина, обременен смыслом³² — становится энциклопедией знаний об эпохе. Приобретенные для коллекции новый образ, деталь, слово соединяются с остальными благодаря умению собирателя обнаруживать сходство и родство между объектами. Соединение отдельных, казалось бы, чуждых друг другу вещей отображает, выявляет известный порядок мира, так как «в каждом из его предметов коллекционеру предстает мир, притом мир упорядоченный. Упорядоченный поразитель-

²⁹ М. Шишкин, *Взятие Измаила...*, с. 481.

³⁰ Р. Ингарден, *Исследования по эстетике*, пер. А. Ермилова, Б. Федорова, Издательство иностранной литературы, Москва, 1962.

³¹ В. Бенъямин, *Луи-Филипп, или интерьер // того же, Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе*, предисловие, составление, перевод и примечания С.А. Ромашко, Издательство Иностранной литературы, Москва 1996, с. 153.

³² В русском варианте эссе эта фраза отсутствует. Я цитирую польское издание: W. Benjamin, *Pasaże paryskie* [I] // того же, *Pasaże*, пер. I. Kania, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2005, с. 895.

ными — более того, профану непонятными — связями»³³. Коллекция — не просто накопление вещей, а собрание того, благодаря чему коллекционер получает доступ к миру, говорящему посредством вещей³⁴.

Согласно Шишкину, задача литературы как эквивалента коллекции — продолжить жизнь в слове и способствовать возрастанию добра в мире. Младший брат из *Взятия Измаила* подражает старшему, а тот — здесь появляется довольно интригующая фраза — пускает младшего «в свою жизнь, в свою коллекцию, в свой музей улик, в свою книгу вещей, где каждая, как в сказке, умеет разговаривать, мешает злым и помогает добрым»³⁵. Понятие коллекции, таким образом, распространяется также на жизнь, следовательно, «книга» и «жизнь» становятся синонимами.

Взрослея, герой романа начинает понимать, в чем состоит ценность его коллекции, а именно — в умении увидеть и отобразить красоту во всем мире, а не в отдельных его элементах:

А я тогда, в ночном оглушительном поезде, кажется, впервые понял, зачем нужна коллекция. Зачем нужен вот этот гроб. Эта женщина в крематории. Этот лифт. Вот зачем: это — прекрасно. И именно поэтому, а ни почему другому, нужно сохранить гроб с выросшим за ночь отцом, и эту Хароншу с голосом Наташи Ерофеевой, и этот лифт, зовущий к топору, ибо все это — прекрасно»³⁶.

Прекрасное, таким образом, не обозначает лишь того, что пропорционально, гармонично, совершенно, то есть его нельзя ограничивать эстетикой. В анализируемом романе Шишкина, как и в других его произведениях, прекрасное — упорядочивающая категория, но она не имеет почти ничего общего с чувствами и эмоциями, а скорее всего с опытом самой действительности, ее сущностью и в конечном результате — тайной.

Ощущение прекрасного появляется и в трудные моменты жизни героев, например, когда рождается неполноценная доч-

³³ В. Беньямин, *Коллекционер...*

³⁴ В. Frydryczak, *Świat jako kolekcja. Próba analizy estetycznej natury nowoczesności*, Wydawnictwo Fundacji Humaniora, Poznań 2002, с. 160.

³⁵ М. Шишкин, *Взятие Измаила...*, с. 50.

³⁶ Там же, с. 475.

ка³⁷ или когда герой присутствует при появлении на свет сына³⁸. Прекрасное не отрицает безобразного или отвратительного — они взаимосвязаны, также как труп — условие жизни и даже красоты³⁹. Понятие красоты выражает в прозе Шишкина похвалу жизни. В таком значении все важно, так как прекрасно — абсолютно все воспоминания, детали, чувства. Но все прекрасно также потому, что коллекционер-писатель способен облагораживать, «просветлять» вещи. Слова «свет» и «красота» в словаре Шишкина взаимосвязаны. В свое время понятия света и красоты соединил Псевдо-Дионисий Ареопагит, предложивший формулу *consonantia et claritas*, т.е. гармония и свет⁴⁰. Согласно Ареопагиту, видимые вещи — образы невидимых. Немецкий философ Ханс-Георг Гадамер подчеркивает, что

Красота — это не просто симметрия, но само по-явление-на-свет (Vorschein), которое на ней основано. Она относится к роду светящего. Светить (scheinen), однако, значит: светить на что-либо и таким образом самому про-являться (zum Erscheinen kommen) в том, на что падает свечение. Красота имеет способ бытия света. [...]

Прекрасное, следовательно, отличается от совершенно неуловимого блага тем, что оно скорее может быть уловлено. К его сущности относится то, что оно себя являет. В поисках блага показывает себя прекрасное⁴¹.

Помян в своих размышлениях о коллекционере замечает, что он, создавая коллекцию, не столько отображает действительность, сколько открывает, снимает с нее покров, выявляет некую

³⁷ «Я знаю, вы мне не можете поверить, но когда-нибудь придет момент, когда вы узнаете, как прекрасна жизнь и с таким ребенком и сколько богатства она вам принесет — это не утешение, это знание, опыт». Там же, с. 330–331.

³⁸ «Кто-то спросил, тронув меня за рукав: — Плохо? Я заматал головой: — Прекрасно!» Там же, с. 488.

³⁹ Фраза Николая Федорова из *Философии общего дела*: «Несмотря на толстый слой земли, труп не остается спать в могиле, а проникает в атмосферу в виде миазмов, зародышей, составляя необходимое условие жизни и даже красоты (производя, напр., голубой цвет неба) и грозя при недеятельности человека завладеть всею землею, заменить собою все ее население и вытеснить наш род». См.: Н. Федоров, *Сочинения в 2 ч., Часть 2, Философия общего дела. Статьи, письма*, изд. Юрайт, Москва 2016, с. 55. В цитируемом романе Шишкина, с. 78.

⁴⁰ W. Tatariewicz, *Historia estetyki*, t. II: *Estetyka średniowiecza*, Arkady, Warszawa 1989, с. 33.

⁴¹ Х.-Г. Гадамер, *Истина и метод. Основы философской герменевтики*, пер., общая редакция и вступ. статья Б.Н. Бессонова, Прогресс, Москва 1988, с. 514, 516.

идею, и тогда музей или кабинет превращается в место, в котором Вселенная становится видимой как одно целое⁴². Герой романа *Письмовник* прямо говорит, что все мимолетное и сущее отражает свет, задача слов, в свою очередь, состоит в том, чтобы свет пропускать через себя⁴³.

В данном контексте стоит обратить внимание на еще один аспект прозы Шишкина — на склонность к обилию образов, воспоминаний в памяти его героев. Их письма или дневниковые записи приобретают форму коллекции ощущений, деталей, событий, выражений. Более того, в произведениях нередки перечни, например, слов, фраз, которые имеют характер эквивалентов, но иногда их зависимость друг от друга неочевидна, скрыта. Перечисление имеет апоретичный характер, свидетельствует о сложности мира, происходит по принципу *pars pro toto*, высветляя часть вместо целого, которое остается невыраженным. Накопление описаний, образов, деталей, пословиц и поговорок ведет к доминации того, что находится на поверхности, в то же время, образ накладывается на образ, действительность расширяется, хотя не теряет своих очертаний, то так же выявляется, как и скрывается.

Коллекция образов и фраз находятся в постоянном движении. Перечисление имеет амбивалентный характер, подчеркивает одновременно и отсутствие, и избыток⁴⁴, отрицая таким способом распад⁴⁵. Перечисление ощущений вытекает из своего рода желания «объять необъятное», но как и в случае слов, о которых писатель говорит, что они не в состоянии определить суть дела (суть можно найти, скорее всего, между словами, чем в них самих или в их соединениях)⁴⁶, обилие образов не позволяет смыслу определиться, он остается непостижимым, несмотря на все старания автора. Попытка поймать дыхание жизни соотносится с практикой, которая позволяет почувствовать, что «произведение искусства, будучи явлением уникальным, не

⁴² К. Pomian, *Zbieracz i osobliwości...*, с. 69.

⁴³ «Слова существуют, чтобы пропускать через себя свет». М. Шишкин, *Письмовник*, АСТ, Москва 2010, с. 221.

⁴⁴ М. Baron-Milian, *Wyliczenie/Enumeracja // Ilustrowany słownik terminów literackich. Historia, anegdota, etymologia*, ред. Z. Kadłubek, B. Mytych-Forajter, A. Nawarecki, *słowo/obraz terytoria*, Gdańsk 2017, с. 515.

⁴⁵ Там же, с. 518.

⁴⁶ См.: «Читатель читает слова, но в конце должен испытать что-то важное, что в слова не влезает». «Написать свою Анну Каренину...».

просто носитель некоего смысла, который может быть выражен и с помощью других носителей. Смысл произведения искусства, скорее, в самом его существовании»⁴⁷.

Переводчик прозы Михаила Шишкина на немецкий язык Андреас Третнер, комментируя практику цитирования автором фрагментов произведений других писателей, заметил, что романы Шишкина характеризуются красотой цитирования⁴⁸. Цитируя, он ведет себя как коллекционер, изымает куски чужих текстов из их собственного контекста и вводит в новый, создавая из них свой мир. Произведения становятся центонами. Вальтер Беньямин подобным образом объяснял коллекционирование, в котором:

решающее значение имеет то, что предмет избавляется от всех своих изначальных функций, чтобы установить предельно тесные отношения с себе подобными. Эти отношения диаметрально противоположны использованию и подпадают под необычную категорию «полнота». Что означает эта «полнота»? Это грандиозная попытка преодолеть совершенно иррациональный характер простой подручности предмета путем его интеграции в новую, специально разработанную историческую систему — коллекцию⁴⁹.

Михаил Шишкин в одном из интервью рассказывал о своей работе так:

Я большими кусками не писал, хотя хорошо бы. Я пишу следующим образом — собираю фразы, слова. Они могут прийти, откуда угодно. Чаще всего, когда читаешь — мемуары. Можешь услышать какую-то фразу. Ты собираешь слова, детали, и если видишь какое-то вкусное слово и не знаешь, куда его деть — ты его в компьютер. У меня в компьютере огромное количество файлов, которые собираются годами. Ну, например, пароход. Я что-то читаю — и какая-нибудь деталь про пароход, которую, я думаю, можно использовать, если писать когда-нибудь про пароход. Например, путешествие на пароходе во времена «Титаника» — потому что после этого уже этой детали не было и до этого не было. И она у меня хранится в компьютере. Использую я это когда-нибудь или нет, не знаю. Это как у наборщика — кассы: разные шрифты, букровки. Потом, когда появляется текст, я бесконечное количество раз просматриваю все мои файлы, все мои сокровища. И оттуда начинаю набирать эти фразы. И они начинают сцепляться друг с другом. Это могут быть фразы совершенно из разных миров. Они

⁴⁷ Х.Г. Гадамер, *Актуальность красоты*, пер. М.П. Стафеецкой, Искусство, Москва 1991, с. 300.

⁴⁸ А. Третнер, *О переводе // Знаковые имена современной русской прозы: Михаил Шишкин...*, с. 449.

⁴⁹ В. Беньямин, *Коллекционер...*

ОБРАЗ КОЛЛЕКЦИОНЕРА...

сцепляются, какая-то новая энергия появляется. И на это уже я могу сам что-то дописывать⁵⁰.

Такая практика действительно напоминает активность коллекционера. Стоит еще обратить внимание на способ конструирования высказываний, в которых соединены разные формы, жанры, стили, цитаты и фрагменты чужих текстов. Сопоставление различных предметов в произведении-коллекции, редко являющейся закрытым единством, обнаруживает некоторое родство между гетерогенными готовыми элементами, существующими независимо, происходящими из разных контекстов. В таком значении произведения Шишкина схожи своей композицией с коллекцией и остаются всегда открытыми. Благодаря коллекционеру-писателю и его восприятию, которое выходит за рамки традиционного порядка, реципиент может постичь некий неизвестный ему до сих пор смысл действительности⁵¹.

В случае прозы Шишкина новый порядок возникает из нарушения принципов традиционной литературы, нарушения линейности в пользу симультанности, а также соединения разрозненных элементов других произведений. Все это имеет целью воскрешение литературы прошлого путем воплощения ее в настоящее слово, попытку создать из имеющегося материала новое, живое слово. Сам писатель о романе *Взятие Измаила* говорит следующее:

⁵⁰ М. Шишкин, «Писатель должен ощутить всецелие». Интервью Сергею Иванову, «КонтрактыUA», 4.08.2010, <http://apps.kontrakty.ua/coffe/17-mikhail-shishkin/32.html> (11.05.2019).

⁵¹ Беньямин замечал, что «коллекционер развивает в себе уникальное видение предмета, такое видение, которое видит иначе и дает больше, чем взгляд профанного обладателя, и которое более всего стоило бы сравнивать со взглядом великого физиогномиста. Но, чтобы представить себе его подход к предмету куда более четко, нужно учесть кое-что еще. А именно: в каждом из его предметов коллекционеру предстает мир, притом мир упорядоченный. Упорядоченный поразительными — более того, профану непонятными — связями. К привычной организации и схематизации вещей они относятся примерно так же, как расположение вещей в энциклопедическом словаре — к порядку естественному. Достаточно вспомнить, насколько значим для любого коллекционера не только его объект, но и все прошлое объекта, так что для его происхождения и характеристики важны и детали вроде бы несущественной истории: прежние владельцы, цена приобретения, рыночная стоимость и т.д. Все это, эти «фактические» данные, как и другие, смыкаются для истинного коллекционера в каждом из его владений в целую магическую энциклопедию, в миропорядок, контуры которого — *судьба* этого предмета». В. Беньямин, *Коллекционер...*

Обилие цитат (а весь роман состоит из цитат: словесных, стилистических) — не кабинетная схема, не применение разработок какого-то «изма», а лишь естественное продолжение традиции. Живительное семя прорастает на компостной куче. Условие воспроизводства — перегной, куча объедков детства и очистков прочитанного. Все, что упрет, разрыхлится и ляжет основой, культурным слоем, гумусом для ахматовского сора. Время и поколения увеличивают слой и качество перегноя⁵².

Коллекция, состоящая из отдельных вещей, т.е. тем, форм, чужих высказываний, свидетельствует о том, что, в сущности, действительность неделима, объединяет все способы существования и остается в непрестанном движении. Образы, цитаты, слова перетекают друг в друга, появляются и исчезают.

Анализируя значение скриптора в прозе Шишкина, Ирина Шульцки заметила, что и коллекционера можно считать понятием, соотносимым с другими ролями повествователя, такими, как каллиграф, переводчик, фланер⁵³. Исключительность этой фигуры у писателя состоит в том, что она является гарантом порядка, единства и целостности повествования⁵⁴.

Как уже говорилось, в случае Шишкина речь идет о литературе, изображающей распад и фрагментацию мира. Благодаря фигуре коллекционера разъединение и соединение, целое и фрагмент, явное и скрытое, поверхность и глубина становятся тождественными. Ранее уже отмечалось, что писатель выстраивает своё мышление на основе учения Гераклита — несомненно, это помогает понять специфику прозы Шишкина (хотя самому автору ближе поздний стоик Марк Аврелий)⁵⁵. Философ, в частности, утверждал, что «прекраснейший космос — словно куча мусора, рассыпанного как попало»⁵⁶, «куча земли и мусор, по-другому песок, по-другому сено»⁵⁷, «бытие и жизнь есть случайная куча сору»⁵⁸, но также сетовал на тех, кто не понимает «как

⁵² М. Шишкин, *Тот, кто взял Измаил...*

⁵³ И. Шульцки, *По следам Байрона и Тостого. Скрипторика и субъект письма в прозе Михаила Шишкина // Знаковые имена современной русской прозы: Михаил Шишкин...*, с. 324.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ См. А. Скотницка, *Как устроен мир? «Письмовник» Михаила Шишкина, «Przegląd Rusycystyczny» 2013, № 2, с. 29–44.*

⁵⁶ А.В. Лебедев, *Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (С новым критическим изданием фрагментов)*, Наука, Санкт-Петербург 2014, с. 158.

⁵⁷ Там же, с. 317.

⁵⁸ А. Лосев, *Эстетика общематериального континуума, Гераклит, // того же, История античной эстетики. Ч. 2: Ранняя классика, Высшая школа, Москва 1963; <http://www.psylib.ukrweb.net/books/lose001/txt18.htm> (08.05.2019).*

расходящееся согласуется с собою: [оно есть] натяжная [противостремительная — palintropos] гармония. Подобно тому, что наблюдается у лука и лиры» (В 51). «Скрытая гармония сильнее явной» (В 54)⁵⁹. Таким образом, порядок и беспорядок тесно сопряжены друг с другом, а их традиционное значение может подвергаться переоценке. Распаковывая свою библиотеку, коллекционер Беньямина радуется хаосу, который сопровождает эту активность, так как именно он отображает страстное отношение, в то время как порядок ассоциируется с «тихой скукой»⁶⁰. Нелинейное повествование в прозе Шишкина создает впечатление беспорядка, но писатель на самом деле озабочен борьбой против энтропии, возможностью собрать все вместе для того, чтобы именно созданная коллекция и композиция обнаружили некий принцип, управляющий миром.

Греческий глагол *legein* обозначает «не только процесс говорения, но и нечто более осмысленное, а именно процесс «имения в виду»⁶¹. Иначе говоря, «[з]наменитый *логос* Гераклита есть одновременно и то, что Гераклит изрекает в своей книге, и закон, управляющий мирозданием»⁶². Однако здесь следует подчеркнуть другое значение этого слова, а именно «собирать». Шишкин в своей прозе пытается говорить так, чтобы соединять противоположности, ведет себя как коллекционер, который, говоря словами Беньямина, «соединяет то, чему надлежит быть вместе; тем самым ему, быть может, удастся разъяснить вещи через их родственные связи и их последовательность во времени»⁶³.

В настоящей работе мы в центр внимания поставили образ коллекционера и поэтому обращались главным образом к постструктуралистскому пониманию памяти западного эссеиста Вальтера Беньямина, в основе которого лежит апокалипсис и фрагмент. Однако, идея целостности, которой озабочен коллекционер, присутствует и в понятии музея. Оно уже появлялось в наших заметках. В романе *Взятие Измаила* фраза «музей всего» выступает сперва в разговоре Гиперида с афиянами, а потом

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ В. Беньямин, *Я распаковываю свою библиотеку. (Речь собирателя книг)*.

⁶¹ А. Лосев, *История античной эстетики. Ранний эллинизм*, т. V, «Искусство», Москва 1979, <http://psylib.org.ua/books/loseo05/index.htm> (26.06.2019).

⁶² М. Канто-Спербер (ред), *Греческая философия*, т.1, ч. 1., пер. В.П. Гайдамака, Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, Москва 2006, <http://maximalibrary.org/knigi/knigi/b/418463?format=read> (20.06.2019).

⁶³ В. Беньямин, *Коллекционер...*

в наставлениях, данных редактором начинающему писателю. Но само слово музей встречаем довольно часто.

Особенный интерес вызывают цитаты из труда Николая Федорова, в которых оно стоит рядом со словом «кладбище», а также включается в описание активности собирательства и хранения, но прежде всего идеи воскрешения, существенной и для творчества Михаила Шишкина:

Всякий человек носит в себе музей, носит его даже против собственного желания, как мертвый придаток, как труп, как угрызения совести; ибо хранение — закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший еще до него. Эта инстанция не суд, ибо по всему сданному сюда, в музей, восстанавливается и искупляется жизнь, но никто не осуждается. Для музея самая смерть не конец, а только начало; подземное царство, что считалось адом, есть даже особое специальное ведомство музея. Дать священное направление мысли человеческой и ставить себе целью собирание всех людей в общий отеческий дом, в музей, в дом Отца небесного, Бога всех земных отцов, в дом, который, будучи музеем, есть в то же время и храм⁶⁴.

Следует, кроме того, заметить, что фрагменты из *Философии общего дела* сочетаются с цитатами из работ других русских мыслителей, например, Льва Шестова, Ивана Ильина, Льва Толстого, образуя довольно сложное целое. Перспективы Бенъямин и вышеназванных авторов отличает антисистемный, адогматичный характер их записей, интересно бы было проследить, как Шишкин сталкивает их идеи и к какому результату ведет такая художественная практика.

В настоящий момент, подводя итоги вышесказанному, можно добавить только, что категории коллекции и музея соприкасаются в прозе Шишкина и с другими мотивами, такими как, например, кладбище, хранилище, память, забвение, рассмотреть которые стоит в дальнейших исследованиях.

БИБЛИОГРАФИЯ

“Smert’, kak zhizn’, vneslovesna’: interv’yu Mikhaila Shishkina Nine Ivanovoy.” *Time Out*, 03.10.2010 <<http://www.timeout.ru/msk/feature/14237>>. [“Смерть, как жизнь, внесловесна’: интервью Михаила Шишкина Нине Ивановой.” *Time Out*, 03.10.2010, <<http://www.timeout.ru/msk/feature/14237>>].

⁶⁴ М. Шишкин, *Взятие Измаила...*, с. 404–405. Н. Федоров, *Музей, его смысл и назначение*, // того же, *Собрание сочинений в четырех томах*, т. 2, Издательская группа «Прогресс». Москва 1995, с. 372.

- Baron-Milian, Marta, "Wyliczenie/Enumeracja." *Ilustrowany słownik terminów literackich. Historia, anegdota, etymologia*. Ed. Z. Kadłubek, B. Mytych-Forajter, A. Nawarecki, Gdańsk: słowo/obraz terytoria, 2017.
- Benjamin, Walter. *Pasaże*. Trans. I. Kania, Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.
- Ben'yamin, Val'ter. "Lui-Filipp, ili inter'yer." in togo zhe, *Proizvedeniye iskusstva v epokhu yego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannyye esse*. Predisloviye, sostavleniye, perevod I primechaniya S.A. Romashko. Moskva: Medium, 1996. [Беньямин, Вальтер. *Луи-Филипп, или интерьер*, // того же, *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе*, Предисловие, составление, перевод и примечания С.А. Ромашко, Москва: Medium, 1996].
- Ben'yamin, Val'ter. "Ya raspakovyuyu svoyu biblioteku. (Rech' sobiratelya knig)." Trans. N. Tishkova. *Chelovek chitayushchiy. HOMO LEGENS. Pisateli XX veka o roli knigi v zhizni cheloveka i obshchestva*. Sost. S.I. Belza. Moskva: Progress, 1983. [Беньямин, Вальтер. **"Я распаковываю свою библиотеку. (Речь собирателя книги)"**. Пер. Н. Тишковой, *Человек читающий. HOMO LEGENS. Писатели XX века о роли книги в жизни человека и общества*. Сост. С.И. Бэлла, Moskva: Progress, 1983. <http://redkayakniga.ru/biblioteki/item/foo/soo/z0000017/sto32.shtml>].
- Ben'yamin, Val'ter. *Kolleksioner (iz konvoljuta "N", "Passazhi")*. Trans. S. Romashko, colta.ru 10.09.2018. [Беньямин, Вальтер. *Коллекционер (из конволюта «Н», «Пассажи»)*. Пер. С. Ромашко, colta.ru 10.09.2018. <<https://www.colta.ru/articles/society/19044-valter-benyamin-kolleksioner-iz-konvoljuta-h-passazhi>>].
- Bryukhanova, Yuliya. **Mikhail Shishkin: "Izbyvaniye tragizma bytiya v khudozhestvennom slove."** // *Znakovyye imena sovremennoy russkoy prozy: Mikhail Shishkin*. Ed. A. Skotnicka, J. Świeży, Kraków: Scriptum, 2017. [Ю. Брюханова, "Михаил Шишкин: избывание трагизма бытия в художественном слове." *Знаковые имена современной русской прозы: Михаил Шишкин*, ред. А. Skotnicka, J. Świeży, Kraków: Scriptum, 2017].
- Cherednichenko Sergey. "Kolleksioner. Mikhail Shishkin." *Voprosy literatury* 2014, no. 2. [С. Чердниченко, "Коллекционер. Михаил Шишкин." *Вопросы литературы* 2014, № 2].
- Fedorov Nikolay, *Sochineniyav 2 ch. Chast' 2: Filosofiya obshchegodela. Stat'i, pis'ma*. Moskva: Izd. Yurayt, 2016. [Федоров, Николай. *Сочинения в 2 ч. Часть 2: Философия общего дела. Статьи, письма*. Москва: Изд. Юрайт, 2016].
- Fedorov, Nikolay. "Muzeu, yegosmysl inaznacheniyе." Fedorov, Nikolay. *Sobraniye sochineniy v chetyrekh tomakh*. T. 2. Moskva: Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1995 [Федоров, Николай. *Музей, его смысл и назначение*. Федоров, Николай. *Собрание сочинений в четырех томах*. Т. 2. Издательская группа "Прогресс", Москва 1995].
- Frydryczak, Beata, *Świat jako kolekcja. Próba analizy estetycznej natury nowoczesności*, Poznań: Wydawnictwo Fundacji Humaniora, 2002.
- Gadamer, Hans-Georg. *Istina i metod. Osnovy filosofskoy germenevtiki*. Perevod, obshchaya redaktsiya i vstup. stat'ya B.N. Bessonova. Moskva: Progress, 1988. [Гадамер, Ханс-Георг. *Истина и метод. Основы философской герменевтики*. Перевод, общая редакция и вступ. статья Б.Н. Бессонова. Москва: Прогресс, 1988].

- Gadamer, Hans-Georg. *Aktual'nost' krasoty*. Trans. M.P. Stafetskaya. Moskva: Iskustvo, 1991. [Гадамер, Ханс-Георг. *Актуальность красоты*. пер. М.П. Стафетской. Москва: Искусство 1991].
- Ingarden, Roman. *Issledovaniya po estetike*. Trans. A. Yermilova, B. Fedorova. Moskva: Izdatel'stvo Inostrannoy literatury 1962 [Ингарден, Роман. *Исследования по эстетике*. Пер. А. Ермилова, Б. Федорова, Москва: Издательство Иностранной литературы, 1962].
- Jaspers, Karl. "Sytuacje graniczne." Trans. A. Staniewska in Rudziński, Roman. *Jaspers*, Warszawa: Wiedza Powszechna 1978.
- Kałużny, Jerzy. "W labiryncie Benjaminowskich 'Pasaży'." *Flâneur, kolekcjoner i gracz jako czytelnicy XIX stulecia. Wokół Pasaży Waltera Benjamina*, ed. P. Śniedziwski, K. Trybuś, M. Wilczyński, Wydawnictwo Naukowe UAM, Poznań 2009.
- Kanto-Sperber Monika. (Ed). *Grecheskaya filosofiya*. Т. 1, Ch. 1. Trans. V.P. Gaydamaka. Moskva: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina 2006 [Канто-Спербер, Моника (ред). *Греческая философия*. Т. 1. Ч. 1. Пер. В.П. Гайдамака. Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2006 <<http://maximalibrary.org/knigi/knigi/b/418463?format=read>>].
- Kruszewski, Tomasz. "Kolekcjonerstwo — atawistyczne zbieractwo a poczucie społecznej użyteczności. Przyczynek do psychologii posiadania." *Toruńskie Studia Bibliologiczne* 2017, no. 2.
- Lebedev, Andrey. *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova (S novym kriticheskim izdaniyem fragmentov)*. Sankt-Peterburg: Nauka 2014 [Лебедев, Андрей. *Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (С новым критическим изданием фрагментов)*. Санкт-Петербург: Наука 2014].
- Losev, Aleksey. "Estetika obshchematerial'nogo kontinuuma, Geraklit." Idem, *Istoriya antichnoy estetiki*. Ch. 2: *Rannyyaya klassika*. Moskva: Vysshaya sokola 1963 [Лосев, Алексей. *Эстетика общематериального континуума, Гераклит // того же: История античной эстетики*. Ч. 2: *Ранняя классика*, Москва: Высшая школа, 1963 < <http://www.psylib.ukrweb.net/books/loseo01/txt18.htm>>].
- Losev, Aleksey. *Istoriya antichnoy estetiki. Ranniy ellinizm*. Т. V. Moskva: "Iskusstvo" 1979 [Лосев, Алексей. *История античной эстетики. Ранний эллинизм*. Т. V, Москва: "Искусство" 1979, <<http://psylib.org.ua/books/loseo05/index.htm>>].
- Pomian Krzysztof, *Zbieracze i osobliwości. Paryż, Wenecja XVI—XVIII wiek*. Trans. A. Pieńkos. Warszawa: PIW, 1996.
- Shishkin M. o svoeyem novom romane „Pis'movnik”: interv'yu Mikhaila Shishkina L'vu Danilkinu. „Afisha daily”, 16.08.2010, <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/>. Шишкин М. о своем новом романе „Письмовник”: интервью Михаила Шишкина Льву Данилкину, „Афиша daily”, 16.08.2010, <https://daily.afisha.ru/archive/vozduh/archive/mihail_shishkin/>].
- Shishkin Mikhail. *Vzyatiye Izmaila*. Moskva: Vagrius 2007. [Шишкин Михаил, *Взятие Измаила*. Москва: Вагриус, 2007.]
- Shishkin, Mikhail. "Pisatel' dolzhen oshchutit' vsesiliye'. Interv'yu Sergeyu Ivanovu." *Kontraktyua*, 4.08.2010, <http://apps.kontrakty.ua/coffe/17-mikhail-shishkin/32.html>. [Шишкин, Михаил. «Писатель должен опутить всесилие». Интервью Сергеем Иванову». *КонтрактыUA*, 4.08.2010, <http://apps.kontrakty.ua/coffe/17-mikhail-shishkin/32.html>].

- Shishkin, Mikhail. "Interv'yu Aleksandrovu N., "Tot, kto vzyal Izmail". *Itogi* 2000, no. 42/228 [Шишкин, Михаил. "Интервью Александрову, Н. "Тот, кто взял Измаил". *Итоги* 2000, no. 42 / 228. <<http://www.itogi.ru/archive/2000/42/115757.html>>].
- Shishkin, Mikhail. "Napisat' svoyu Annukareninu..." *Interv'yu Marine Kontsevoy* <<http://9tv.co.il/news/2010/1>> [Шишкин, Михаил. «Написать свою Анну Каренину...». *Интервью Марине Концевой*, <<http://9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html>>].
- Shishkin, Mikhail. *Pal'to s khlyastikom: korotkaya proza, esse*. Moskva: Izdatel'stvo AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2017 [Шишкин, Михаил. *Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе*. Москва: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2017].
- Shishkin, Mikhail. *Pis'movnik*, Moskva: AST 2010 [Шишкин, Михаил. *Письмовник*. Москва: АСТ 2010].
- Shul'tski, Irina. "Po sledam Bayrona i Tostogo. Skriptorika i sub'yekt pis'ma v proze Mikhaila Shishkina." *Znakovyye imena sovremennoy russkoy prozy: Mikhail Shishkin*. Ed. A. Skotnicka, J. Świeży, Kraków: Scriptorum, 2017 [Шульцки, Ирина. "По следам Байрона и Тостого. Скрипторика и субъект письма в прозе Михаила Шишкина." *Знаковые имена современной русской прозы: Михаил Шишкин*, ред. А. Скотницка, J. Świeży, Kraków: Scriptorum, 2017].
- Skotnitska, Anna, "Kak ustroyen mir? 'Pis'movnik' Mikhaila Shishkina". *Przeгляд Rusycystyczny* 2013, no. 2 [Скотницка Анна, "Как устроен мир? «Письмовник» Михаила Шишкина." *Przeгляд Rusycystyczny* 2013, no. 2].
- Tatarkiewicz, Władysław. *Historia estetyki*. Vol. II: Estetyka średniowiecza. Warszawa: Arkady, 1989.
- Tretner, Andreas, "O pereводе." *Znakovyye imena sovremennoy russkoy prozy: Mikhail Shishkin*. Ed. A. Skotnicka, J. Świeży, Kraków: Scriptorum, 2017 [А. Третнер, "О переводе." *Знаковые имена современной русской прозы: Михаил Шишкин*, ред. А. Скотницка, J. Świeży, Kraków: Scriptorum, 2017].
- Tyura, Valery. "Poetika palimpsesta v 'Doktore Zhivago'." *Novyy filologicheskii vestnik* 2013, no. 2 [Тюпа, Валерий. "Поэтика палимпсеста в 'Докторе Живаго'." *Новый филологический вестник* 2013, № 2].
- Yefremova, Tat'yana. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy*, Moskva: Russkiy yazyk 2000 [Ефремова Татьяна. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык, 2000].
- Zeidler-Janiszewska, Anna. "Między zbieraniem ekonomicznym a kolekcjonowaniem." In Sommer, Manfred. *Zbieranie*. Trans. J. Merecki. Warszawa: Oficyna Naukowa, 2003.

Anna Skotnicka

OBRAZ KOLEKCJONERA
W POWIEŚCI MICHAŁA SZYSZKINA *ZDOBYCIE TWIERDZY IZMAIŁ*

Streszczenie

Artykuł poświęcony jest problemowi kolekcjonera w powieści M. Szyszkina *Zdobycie twierdzy Izmail*. Autorka wykorzystuje do analizy obrazu kolekcjonera prace Krzysztofa Pomiana i Waltera Benjamina oraz dowodzi, że pojęcie to odnosi się nie tyle do bohatera, ile do autora i narratora powieści. Kolekcjonowanie traktowane jest jako postawa wobec świata i rozpatrywane w kontekście cech całej prozy pisarza, wśród których autorka wyróżnia tęsknotę za całością, wynikającą z doświadczenia rozpadu świata, a także palimpsestowość i intertekstualność.

Anna Skotnicka

THE IMAGE OF THE COLLECTOR
IN MIKHAIL SHISHKIN'S NOVEL *THE TAKING OF IZMAIL*

Summary

The article is dedicated to the problem of the collector in Mikhail Shishkin's novel *The Taking of Izmail*. Using the works by Krzysztof Pomian and Walter Benjamin, the author establishes that the term "collector" refers rather to the author and the narrator of the novel than to its main character. In the article, collecting is regarded as the attitude towards the world and is considered in the context of the main traits of Shishkin's works, among which the author identifies longing for wholeness resulting from the experience of fragmentation of the world, palimpsestic nature, and intertextuality.